

УДК 008

ЛИБЕРАЛИЗМ, РАДИКАЛИЗМ И ПАТРИОТИЗМ В ОТНОШЕНИИ К СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ межкультурной коммуникации и социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: kulemzin41@mail.ru

В статье раскрывается связь и зависимость отношения к историческому и культурному наследию с изменением идеологии в обществе. Особенно активно эти изменения происходят в переломные для страны периоды. Россия, постоянно сотрясаемая социальными трансформациями, не раз испытывала переоценку своего исторического и культурного наследия. Осознанное цивилизованное отношение к отечественному историко-культурному наследию в России началось с рубежа XVII–XVIII веков в связи с реформаторской деятельностью Петра I и усилением связей со странами Западной Европы. Патриотически-либеральное отношение в конце XVIII века сменилось усилением либерального в первой половине XIX века, после победы в Отечественной войне 1812 года вновь возобладали патриотические. В конце XIX века появились радикалистские тенденции, которые возобладали после октября 1917 года и просуществовали до середины XX века. С этого времени вновь стали проявляться либерально-патриотические тенденции. Они постоянно усиливаются и преобладают в современной России.

Ключевые слова: историческое и культурное наследие, музеи, памятники, либерализм, радикализм, патриотизм, Россия, Европа, традиционная национальная культура.

LIBERALISM, RADICALISM AND PATRIOTISM WITH RESPECT TO THE CONSERVATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Kulemzin Anatoliy Mikhaylovich, Dr of Culturology, Professor, Leading Researcher, R&D Institute of Intercultural Communication and Socio-cultural Technologies, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kulemzin41@mail.ru

The article discusses the connection and dependence of the relation to the historical and cultural heritage during the change of ideology in a society. These changes are especially active during the periods that are critical for the country. Russia, constantly shaken by social transformations, has repeatedly experienced a reassessment of its historical and cultural heritage. In Russia, the conscious civilized attitude to the native historical and cultural heritage started as a trend at the turn of the 17th – 18th centuries following the reform of Peter the Great and strengthening the connections with the countries of Western Europe. In the end of the 18th century, the patriotic-liberal attitude was replaced by the strengthening the liberal attitude and in the first half of the 19th century, after the victory in the Patriotic War of 1812, the patriotic attitude prevailed again. In the end of the 19th century, radical tendencies appeared that prevailed since October 1917 until the middle of the 20th century. From that time on, liberal-patriotic tendencies, which are constantly strengthening, and still dominate in modern Russia, began to emerge.

Keywords: historical and cultural heritage, museums, monuments, liberalism, radicalism, patriotism, Russia, Europe, traditional national culture.

Вопрос отношения к отечественному историческому и культурному наследию для любого народа всегда остается актуальным потому, что в нем отражены фундаментальные ценности

прошедших исторических эпох. Это духовный стержень народа. Особенно острым вопрос о духовных ценностях становится в переломные для страны периоды. Россия, постоянно, в течение

многих столетий, сотрясаемая социальными катаклизмами на своем историческом пути, не раз испытывала переоценку своего исторического и культурного наследия.

Наиболее выражено осознание наличия и ценности своего национального историко-культурного наследия в России стало проявляться на рубеже XVII–XVIII веков в связи с коренными изменениями в жизни общества, в том числе в сфере науки, культуры и духовной жизни, благодаря реформам Петра I. В Петровскую эпоху в России были заложены основы цивилизованного, передового для того времени отношения к наследию. Именно с этого времени начинается процесс восприятия собственного историко-культурного наследия как научной и культурной ценности. Были изданы первые государственные акты, направленные на выявление, сохранение, изучение и популяризацию объектов исторического и культурного наследия. При этом в значительной степени был использован западноевропейский опыт и научные специалисты.

Благодаря инициативе Петра I были организованы первые экспедиции по выявлению памятников культурного наследия и исторических древностей, произведены первые реставрационные работы, изданы указы, запрещающие разрушать исторические реликты и требующие сохранять их как культурную ценность, открыт первый в России музей – Кунсткамера [23, с. 54; 28, с. 121–150; 8, с. 25]. Из созданных в России к концу XVIII века десятка полноценных музеев только два (Эрмитаж и музей Академии художеств) были в большей мере ориентированы на западноевропейское искусство. А остальные являлись хранителями отечественных исторических древностей и культурных ценностей. Этот период в отношении к отечественному наследию мы можем назвать патриотическим с элементами либерализма.

Во второй половине XVIII века в аристократической среде стали набирать популярность несколько иные тенденции: увлечение западноевропейским искусством, игнорирование или пренебрежительное отношение к отечественной культуре, так называемая «галломания». Впоследствии обозначились два направления: западники и славянофилы. Западникам в большей степени импонировал западноевропейский политический либеральный строй, чем российский консерва-

тивный режим вместе с его опорой на традиционное мировоззрение и средневековую культуру. Позицию западников можно сравнить с позицией современных либералов. Они не признавали отечественную культуру как таковую, а Россию – частью мировой культуры и цивилизации. «Я за все русские древности не дам гроша. То ли дело Греция, то ли дело Италия», – писал К. Н. Батюшков [31, с. 39]. Очень откровенно по этому поводу выразился П. Я. Чаадаев: «Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство – вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздал бы его перед вами живо и картинно» [33, с. 24]. Близких им взглядов придерживались В. В. Пассек, первоначально В. Г. Белинский, В. Ф. Одоевский и некоторые другие просвещенные люди своей эпохи [30, с. 141–145].

Противоположное западникам мнение выражали истинные патриоты своей родины – славянофилы. К ним относились: просветитель Н. И. Новиков, государственный канцлер граф Н. П. Румянцев, писатель и историк Н. М. Карамзин и многие другие творческие люди своего времени. Н. И. Новиков по этому поводу писал: «Как же нация должна думать о таком недостойном гражданине своем, который презирает честь и славу своего отечества, и только иностранное уважает, чужого желает и чужому подражает?» [20, с. 14]. Н. М. Карамзин особое внимание уделял изучению летописей: «Я не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи и не занимается ими: надобно знать, что любишь, а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем» [13, с. 14]. Их точку зрения в отношении отечественного культурного наследия поддерживали: А. С. Грибоедов, Н. А. Бестужев, Н. В. Гоголь и многие другие.

Наиболее ярко позицию славянофилов выразил А. С. Пушкин в своем письме к Чаадаеву: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество и иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог дал её» [25, с. 309–310]. Патриотическое направление имело более сильное влияние в стране и объединялось в аморф-

ные общественные организации. Еще в середине XVIII века в Архангельске возникло «Общество для исторических исследований» В. В. Крестинина, в начале XIX века – кружок Н. И. Новикова, кружок графа Н. П. Румянцева, «Общество истории и древностей российских» при Московском университете, историческое общество при Казанском университете и другие. Всего же в первой половине XIX века было созданы около 130 научных обществ по изучению отечественной истории и культурного наследия.

Победа России в Отечественной войне 1812 года укрепила патриотическое направление. Его сторонники заняли прочные позиции в правительстве. Это направление поддерживал и сам император Николай I. В качестве государственной идеологии была принята так называемая «политика официальной народности», составленная министром народного просвещения графом С. С. Уваровым и изложенная в докладе императору «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при укреплении Министерства». Одной из составных частей этой политики была народность, то есть единство российской нации и сохранение народных традиций. Николай I сам подчеркивал свою национальную идентичность с российским народом, заботился о сохранении памятников старины, поощрял национальный стиль [9, с. 236].

Патриотический подъем среди российской интеллигенции и в среде прогрессивных государственных деятелей способствовал быстрому развитию музейной сети, которое зачастую называют «музейным бумом». Особенно активно он протекал на окраинных территориях империи: в Прибалтике, на Украине и Юге России. Изменилось и отношение к отечественному изобразительному искусству со стороны Эрмитажа. Этот крупнейший музей стал коллекционировать не только произведения западноевропейских, но и отечественных мастеров живописи. К коллекционированию русской живописи, русских икон приступила аристократия и купечество. В наиболее популярных журналах – «Телескоп», «Современник», «Москвитянин» – стали все чаще появляться публикации о музеях, частных коллекциях, коллекционерах и новых музейных проектах. Такие предложения поступили от Б. Вихмана и П. П. Свинына. В журнале «Сын отечества»

в 1817 году Ф. П. Аделунгом был опубликован проект о создании публичного музея национального значения, в котором автор утверждал, что российское историческое и культурное наследие – это «неисчерпаемый источник для пополнения всех познаний человеческих, которому подобного не найдем ни в одной из других стран света» [1, с. 56]. Изменил свое мнение и В. Г. Белинский, утверждая, что «по одним этим памятниками можно бы проречь в главных очерках историю России» [4, с. 611].

Всего же в первой половине XIX века возникло около 50 крупных музеев. Подавляющее большинство из них было исторического научного профиля. Все это говорит о том, что в первой половине XIX века общественное мнение в России по отношению к отечественному культурному наследию постепенно трансформировалось из либерально-нигилистического в либерально-патриотическое. Многие образованные люди того времени достигли значительных результатов в изучении и популяризации исторического и культурного наследия своей родины. Помимо профессиональных историков наследием интересовались разносторонние представители отечественной науки и культуры. Благодаря им было признано, что Россия располагает значительным историческим и культурным наследием.

Во второй половине XIX века в патриотическом направлении начинают постепенно усиливаться консервативные тенденции. Наряду с расширением памятникоохранительных мероприятий, резким увеличением количества музеев усиливается пропаганда монархической власти средствами монументального искусства, а также и соответствующими этой идеологии историческими исследованиями. Особенно заметно эта тенденция стала проявляться в конце XIX – начале XX века. Так, в 1885 году в Вологде был открыт мемориальный музей – Домик Петра I. В 1902 году возникла идея создания музея кинематографии на основе кинолетописи о царской семье. Накануне 300-летия династии Романовых в правительственных кругах появилась мысль создать величественный музей, посвященный царской семье. В 1904 году военно-историческое общество выступило с инициативой об установлении в Москве символического памятника погибшим в Отечественной войне 1812 года. Однако

влиятельные люди настояли на том, чтобы этот памятник был посвящен генерал-губернатору Москвы Великому князю Сергею Александровичу, убитому революционерами-террористами. В начале XX века со стороны МВД была принята попытка объявить памятниками те скульптурные произведения, которые лишь в будущем будут установлены в честь выдающихся лиц [11, с. 102]. В 1911 году вышел правительственный циркуляр, требовавший установления памятников лишь только в честь представителей правящей династии.

Музеи также были вовлечены в официальную пропаганду монархизма. В 1877 году в Петербурге и в 1907 году в Москве были открыты Императорские Археологические институты, где готовились специалисты музейного дела. В них принимались дети преимущественно знатного происхождения [19]. Возникшие крупные исторические общества объявлялись «Императорскими» и возглавлялись, как правило, представителями дворянской аристократии, высокими государственными чиновниками. Так, председателем Императорского Русского археологического общества (1846) был герцог Максимилиан Лейхтенбергский, Императорского Московского археологического общества (1864) – граф А. С. Уваров. Государственное учреждение по охране памятников при Министерстве внутренних дел Императорскую археологическую комиссию (1853) возглавил граф С. Г. Строганов. По форме это было официальное аристократическое направление, а по содержанию – консервативно-патриотическое. В последние годы существования Российской империи оно стало приобретать реакционный характер.

Параллельно с этими тенденциями со второй половины XIX века в общественном движении в России начинают вызревать радикалистские настроения, направленные на ликвидацию политического устройства государства. Это нашло свое отражение и в отношении к историческому культурному наследию. Молодое поколение новой радикальной интеллигенции критически относилось к отечественной культуре прошлого. «Духовные ценности прошлого отождествлялись вождями радикализма с тем общественным и политическим строем, который подлежал, по их мнению, упразднению» [14, с. 179]. Вместе

с тем, по их мнению, должна быть уничтожена и культура деспотического средневекового строя. Выразителями этих идей выступали такие видные общественные деятели того времени, как Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев. Среди политических радикалов видное место занимал А. И. Герцен. Но его взгляды в отношении культурного наследия были более либеральными. Он считал, что «рубящий меч... должен спасти все, что в нем достойно спасения» [10, с. 581].

В предреволюционные годы нигилистическое отношение к культурному наследию было подхвачено ранними футуристами. «Великий пролетарский поэт» В. В. Маяковский и его товарищи-единомышленники (Д. Д. Бурлюк, А. Е. Крученых, В. В. Хлебников и Л. Н. Андреев) призывали сбросить с «парохода современности» произведения Пушкина, Достоевского, Толстого и сжечь на костре картины Третьяковской галереи [2; 6; 17].

С таким богатым и разнообразным букетом тенденций и взглядов на историко-культурное наследие российское общество вошло в свой новый исторический период, изменивший прежний экономический уклад, политический строй и государственное устройство, а также идеологию и культурную политику всей страны. Для революционной мысли вопрос отношения к историческому и культурному наследию не был новым. Еще основоположниками коммунистической идеологии были исследованы основные закономерности функционирования культурных ценностей в обществе. Суть их сводится к тому, что культура в обществе развивается в зависимости от развития материальных производительных сил. В. И. Ленин дополнил это положение новой теорией пролетарской культуры, где главными положениями были: в классовом обществе существуют культура эксплуататоров и культура эксплуатируемых, в недрах старого классового общества формируются элементы новой демократической культуры, новая социалистическая культура должна быть партийной, связанной с другими формами классовой борьбы, бороться с буржуазной культурой, а также опираться на достижения прошлого [16, с. 336–338, 462].

Однако на практике все оказалось иначе. Целесообразность революционных преобразований требовала от новой власти чаще использовать

принцип идеологического диктата, нетерпимости к инакомыслию, борьбы с буржуазно-помещичьей культурой. Этому способствовало также творчество некоторых работников культурного фронта: В. В. Маяковского, А. Т. Кириллова, Н. Н. Пунина, О. М. Брик, Б. А. Кушнера и других леворадикальных деятелей культуры. В 1925 году в газете «Коммунальное хозяйство» архитектору А. В. Щусеву был дан публичный ответ на его беспокойство за судьбы исторического и культурного наследия столицы: «Москва не музей старины, не город туристов, не Венеция и не Помпея. Москва не кладбище былой цивилизации, а колыбель нарастающей новой, пролетарской культуры, основанной на труде и знании. Этими великими принципами руководствуется революция» [24, с. 47]. Специалисты из Госкомхоза считали, что камни от Китайгородской стены будут экономически выгодными для современного строительства. «Древности хороши, в том нет спора, утверждали они. Но современная жизнь с её требованиями и того лучше» [28].

В результате этой политики страна понесла неисчислимые утраты исторических и культурных ценностей в период революции, гражданской войны и последующего строительства социализма. Московский Кремль был обстрелян из артиллерийских орудий. Из 80 тысяч христианских храмов уцелели лишь 19 тысяч. Подавляющее большинство из них было занято под хозяйственные нужды. В результате реквизиции из церквей и монастырей были изъяты почти все ценности, которые почти полностью были расхищены партийно-государственными руководителями [5, с. 87–97].

После успешного завоевания политической власти большевистским правительством были приняты меры по ликвидации «идеологически вредных» памятников. В то же время по стране широко развернулась монументальная пропаганда идеалов революционной борьбы. Еще при жизни Ленина ему стали устанавливать памятники [7, с. 12–13]. В первые послереволюционные годы почти вдвое возросла музейная сеть. Возникло 246 новых музеев. В последующее десятилетие (30-е годы) музейная сеть вновь удвоилась и накануне Великой Отечественной войны составляла 626 музеев. Но музеям были приданы новые функции. На первом музейном съезде

(1930) было дано указание ликвидировать экспозиции, не отвечающие задачам строительства нового общества, и открыть отделы, посвященные победе революции и успешному строительству социализма. Типовая структура музея должна была состоять из трех обязательных разделов: природы, истории и социалистического строительства. Появились музеи нового типа: историко-революционные, посвященные революционерам и деятелям коммунистической партии и советского государства, многочисленные музеи Ленина. Музей стал идеологическим учреждением.

Вместе с тем было принято негласное решение о продаже предметов музейного фонда за границу.

Однако была, хотя и очень слабая, другая тенденция. Передовые представители творческих работников и интеллигенции объединялись в различные общественные организации, боровшиеся за изучение и сохранение исторического и культурного наследия. Были созданы Центральное бюро краеведения (академик С. Ф. Ольденбург), Общество изучения русской усадьбы (В. В. Згура), Старый Петербург (С. Н. Жарковский) и другие. Они были неоднородны по составу, туда входили представители разных политических взглядов. Но все они были патриотами своей страны и ревностно относились к культурному наследию. Вскоре все эти организации были разогнаны, а их наиболее видные деятели подвергнуты репрессиям [3, с. 55–56; 18; 34].

В середине 20-х годов революционно-радикальные тенденции, то ослабевая, то активизируясь, продолжались вплоть до начала 60-х годов. Последний всплеск антиисторического радикально-нигилистического отношения к историко-культурному наследию относится к концу 50-х – середине 60-х годов, ко времени правления государством Н. С. Хрущева. На январском Пленуме ЦК КПСС реставрационные работы он посчитал разбазариванием народных средств. Музейную деятельность, открытие детских музыкальных школ и охрану памятников он поставил в один ряд недостатков вместе с самогоноварением [26, с. 601–602]. В это же время было принято множество нормативных документов, регламентирующих деятельность музеев, в том числе постановление ЦК КПСС «о повышении роли музеев в коммунистическом воспитании тру-

дящихся». Но в итоге все они сводились к тому, чтобы пресечь любое творчество, не вписывающееся в рамки официальной государственной идеологии [12]. Однако в это же время в стране возрождалось и набирало силу другое либерально-патриотическое направление, разгромленное большевистским радикализмом. Передовые представители науки и культуры противопоставили антиисторическому отношению к историко-культурному наследию, исходящему от государственного руководства, иные взгляды, основанные на принципах преемственного развития культуры. Одним из первых в 1959 году выступил академик Г. Я. Тарле в журнале «История СССР», за ним академик М. Н. Тихомиров в журнале «Вопросы истории». В дискуссию включились академик Д. С. Лихачев, скульптор С. Т. Коненков, историк и искусствовед Н. Н. Воронин и многие другие истинные патриоты своей страны.

Под давлением общественности отношение к наследию стало постепенно меняться. В 1956 году Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Международную Гаагскую конвенцию «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». В 1966 году было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. В 1978 году был принят Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В нем, к сожалению, еще продолжало господствовать определение памятников, навязанное официальной идеологией, подчеркивающее особую значимость объектов, отражающих «революционное движение, становление и развитие Советского социалистического государства... выдающиеся события Великой Октябрьской социалистической революции...» [21, с. 12]. Вопреки государству и политике КПСС, благодаря прогрессивно мыслящим деятелям науки и культуры страна постепенно и очень медленно освобождалась от большевистского радикализма и возвращалась к современным цивилизованным нормам обращения с историческим и культурным наследием [27, с. 7–14]. Во многих случаях только благодаря вмешательству авторитетных ученых, наперекор решениям властей, были спасены многие ценнейшие памятники страны. Принципиальная позиция таких авторитетных ученых, как Б. А. Рыбакова, И. И. Минц, С. Д. Сказкина, А. П. Окладникова, Б. Б. Пиотровского и многих

других активных представителей науки и культуры способствовала переменам общественного мнения и заставила государство изменить свое отношение к историко-культурному наследию.

В годы перестройки в отношении культурного наследия происходит окончательный отход от ортодоксальных идеологических крайностей. В печати все чаще разоблачалась прежняя негативная политика по отношению к историческому и культурному наследию. В научной литературе стали публиковаться обвинения в адрес государства и КПСС о фальсификации исторических событий с помощью музейных средств [32, с. 32]. Однако прежние отношение наиболее консервативной части российского общества продолжало оказывать влияние на принятие решений в этом вопросе. Так, например, на одном из последних Пленумов ЦК КПСС в 1988 году обсуждался вопрос о деятельности Всероссийского общества охраны памятников. Здесь ВООПИК обвинялось в неоправданно большом внимании к памятникам культовой архитектуры и недостаточном внимании к памятникам революции. Выражалась обеспокоенность по поводу неконтролируемого роста общественных молодежных краеведческих и памятникоохранительных организаций. Вторая половина 80-х годов характеризуется устойчивым процессом демократизации в памятникоохранительном движении. Однако в музейной деятельности наблюдается консервативный застой по причине того, что музеи всегда находились под более жестким государственным контролем. Этот период в отношении к историческому и культурному наследию можно охарактеризовать как общегуманистический либерально-патриотический.

Тенденция нарастания и укрепления либерально-патриотических настроений с учетом современных международных норм и принципов оценки, сохранения и использования наследия продолжала развиваться в последующее время, в период, так называемой, современной России. В новых исторических условиях существенно изменилось музейное и памятникоохранительное законодательство. Из него были исключены идеологические фразеологизмы. Законом было признано, что развитие культуры является независимым от политики процессом [22, с. 28–37]. В этом же законе культурное наследие теперь рассматривалось не как объекты победоносной

революции и успешного строительства социализма, а как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных в прошлом. Отказ государства от леворадикальной большевистской идеологии, постепенное внедрение в общественную жизнь демократических принципов гражданского общества создают потенциал для перехода к современному цивилизованному отношению к историческому и культурному наследию как к объектам, являющимся первоисточниками прямой подлинной информации об истории и культуре, имевших место в прошлом, и не более.

Новое законодательство создало более широкие возможности для интерпретации и использования наследия. Но почти полная зависимость этой деятельности от значительно сократившихся размеров финансирования оставляла за государством по-прежнему почти полное господство в этой сфере деятельности. Некоторая либерализация в музейной и памятникоохранительной деятельности развязала руки криминальным элементам, видевшим в наследии лишь объекты материального обогащения.

Законодательное восстановление права частной собственности на объекты наследия, являвшиеся прежде исключительно государ-

ственным общенациональным достоянием, по мнению многих специалистов, входит в противоречие с другой законодательной нормой – иметь гражданам право на равный доступ к культурному наследию [15]. Однако изменение законодательства о наследии в новой России и приведение его в некоторое соответствие с нормами международного права мало что изменило. Как было отмечено экспертами ЮНЕСКО, современное российское законодательство не позволяет в полной мере решать все проблемы в этой сфере [35].

Таким образом, мы увидели, что отношение общества к культурному наследию формировалось официальной идеологией государства, хотя всегда существовало и иное, пусть и слабо выраженное, отношение к нему.

На наш взгляд, успехи и неудачи в деле сохранения и использования объектов культурного наследия в нашей стране зависят не столько от законов, сколько от общего культурного уровня руководителей страны и всего населения. Как показывает история, для перестройки исторического и культурологического национального мировоззрения требуются более длительные периоды развития общества в условиях социальной гармонии, стабильности и равновесия всех социальных сил.

Литература

1. Аделунг Ф. П. Предложение об учреждении русского национального музея // *Сын Отечества*. – СПб., 1817. – Ч. 37. – С. 56.
2. Андреев Л. Н. Савва. – М.: Директ-Медиа, 2006. – 103 с.
3. Аникин А., Ласунский О. «Дело краеведов» Центрального Черноземья // *Отечество: краевед. альм.* – М.: Профиздат, 1990. – Вып. 1. – 224 с.
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. – М., 1955. – Т. 6. – 799 с.
5. Бунич И. Л. Золото партии. – СПб.: Шанс, 1994. – 150 с.
6. Бурлюк Д. Д., Кручных А. Е., Маяковский В. В., Хлебников В. В. Пощечина общественному вкусу. – М.: Г. Л. Кузьмин, [1913]. – 113 с.
7. Васильев-Вязьмин И. Искусство людных площадей (Ленинская идея монументальной пропаганды в действии). – М.: Знание, 1977. – 152 с.
8. Вилков О. Н. К истории организации музеев под открытым небом // *Историко-архитектурный музей под открытым небом: принципы и методы организации*. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 6–64.
9. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ / RUSSIA*. Вып. 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе. – М.: ОГИ, 1999. – С. 233–244.
10. Герцен А. И. К старому товарищу // *Собр. соч.* – М., 1960. – Т. 20, кн. 2. – 496 с.
11. Егоров В. Л. С Развитие и становление понятия «памятник истории» // *История СССР*. – 1988. – № 1. – С. 100–106.
12. Златоустова В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985) // *Музей и власть*. Ч. 1. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX века). – М., 1991. – С. 226–298.
13. Карамзин Н. М. Соч.: в 2 т. – Л., 1984. – Т. 2. – 154 с.
14. Кириллова Е. А. Очерки радикализма в России XIX. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – 201 с.

15. Кудрявцев А. П. О мерах по сохранению историко-культурного наследия народов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Аналит. вестн. – М., 2009. – № 5 (372). – URL: http://www.council.gov.ru/activity/analical_dulletens/25834.
16. Ленин В. И. Задачи Союзов молодежи // Полн. собр. соч. – Т. 41.
17. Маяковский В. В. Полн. собр. соч. – М., 1961. – Т. 13. – 628 с.
18. Мельник А. Свидетельство, сохраненное рязанским архивом // Отечество: Краевед. альм. – М., 1990. – Вып. 1. – 244 с.
19. Николаев А. Л. Подготовка специалистов по русской старине в Санкт-Петербургском и Московском археологическом институтах // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 2009. – № 1/8. – С. 186–192.
20. Новиков Н. И. Детское чтение для сердца и разума. – 1789. – № 17. – С. 32–48.
21. Об охране и использовании памятников истории и культуры [Электронный ресурс] // Закон РСФСР от 15 дек. 1978 года. – М., 1979. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4663.
22. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: закон Российской Федерации от 09 окт. 1992 года № 3612 // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников (1991–1996), 1998.
23. Пекарский П. П. Известия времен царя Алексея Михайловича о золотых и серебряных вещах и посуде, попадающих в татарских могилах в Сибири // Изв. Имп. Археолог. об-ва. – СПб., 1865. – Т. 5.
24. Попов (Сибиряк) Н. Наш ответ академику Щусеву // Коммунальное хозяйство. – М., 1925. – № 3 (23). – С. 46–47.
25. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 10: Письма 1831–1837.
26. Речь Хрущева Н. С. // Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (10–18 янв. 1961 года). Стенограф. отчет. – М., 1961.
27. Рожнов К. А. Они были первыми // Памятники Отечества. – 1988. – № 2.
28. Смолин В. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников в России // Изв. Археол. комиссии. – Петроград, 1917. – Вып. 63. – С. 121–150.
29. Степанов И. Надо ли сохранять все старое // Изв. ВЦИК. – 1925. – № 158.
30. Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 238 с.
31. Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. – М.: Совет. Россия, 1990. – 112 с.
32. Фролов А. И. Советские музеи в зеркале прессы (по мат-лам периодической печати 1988 года) // Музееведение: на пути к музею XIX века. Тр. НИИ культуры. – М., 1989.
33. Чаадаев П. Я. Философические письма // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. – М.: Наука, 1991. – 363 с.
34. Чистотинова С. Федор Иванович Шмит. – 1994. – Вып. 1. – 206 с.
35. ЮНЕСКО: Российское законодательство не в полной мере позволяет решать проблемы охраны памятников [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fontanka.ru/2011/05/30/132/>.

References

1. Adelung F.P. Predlozhenie ob uchrezhdenii russkogo natsional'nogo muzeya [Proposal for the Establishment of a Russian National Museum]. *Syn Otechestva [Son of the Fatherland]*. St. Petersburg, 1817, part 37, p. 56. (In Russ.).
2. Andreev L.N. *Savva [Sawa]*. Moscow, Direkt-Media Publ., 2006. 103 p. (In Russ.).
3. Anikin A., Lasunskiy O. “Delo kraevedov” Tsentral'nogo Chernozem'ya [“The Case of Local History Studies” of the Central Chernozem Region]. *Otechestvo: Kraevedcheskiy al'manakh [Fatherland: Local History Almanac]*. Moscow, Profizdat Publ., 1990, iss. 1. 224 p. (In Russ.).
4. Belinskiy V.G. *Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works Essay]*. Moscow, 1955, vol. 6. 799 p. (In Russ.).
5. Bunich I.L. *Zoloto partii [Gold Party]*. St. Petersburg, Shans Publ., 1994. 150 p. (In Russ.).
6. Burluyk D.D., Kruchenykh A.E., Mayakovskiy V.V., Khlebnikov V.V. *Poshchechina obshchestvennomu vkusu [Slap in the face of public taste]*. Moscow, G.L. Kuz'min Publ., [1913]. 113 p. (In Russ.).
7. Vasilyev-Vyazmin I. *Iskusstvo lyudnykh ploshchadey (Leninskaya ideya monumental'noy propagandy v deystvii) [Art of crowded squares (Lenin's idea of monumental propaganda in action)]*. Moscow, Znanie Publ., 1977. 152 p. (In Russ.).
8. Vilkov O.N. K istorii organizatsii muzeev pod otkrytym nebom [To the history of the organization of museums under the open sky]. *Istoriko-arkhitekturnyy muzey pod otkrytym nebom: printsipy i metody organizatsii [Historical and architectural museum under the open sky: principles and methods of organization]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, pp. 6–64. (In Russ.).

9. Vortman R. "Ofitsial'naya narodnost'" i natsional'nyy mif rossiyskoy monarkhii XIX veka ["Official nationality" and the national myth of the Russian monarchy of the XIX century]. *ROSSIYA / RUSSIA. Vyp. 3 (11). Kul'turnye praktiki v ideologicheskoy perspektive [RUSSIA / RUSSIA. Issue 3 (11). Cultural practices from an ideological perspective]*. Moscow, OGI Publ., 1999, pp. 233-244. (In Russ.).
10. Gertsen A.I. K staromu tovarishchu [To the old comrade]. *Sobranie Sochineniy [Collection of Works]*. Moscow, 1960, vol. 20, book. 2. 496 p. (In Russ.).
11. Egorov V.L. S Razvitie i stanovlenie ponyatiya "pamyatnik istorii" [Development and formation of the notion "monument of history"]. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, 1988, no. 1, pp. 100-106. (In Russ.).
12. Zlatoustova V.I. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela (1945-1985) [State policy in the field of museum business (1945-1985)]. *Muzey i vlast'. Ch. 1. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela (XVIII-XX veka) [Museum and power. Part 1. State policy in the field of museum affairs (XVIII-XX centuries)]*. Moscow, 1991, pp. 226-298. (In Russ.).
13. Karamzin N.M. *Sochineniya: v 2 tomakh [Essays. In 2 volumes]*. Leningrad, 1984, vol. 2. 154 p. (In Russ.).
14. Kirillova E.A. *Ocherki radikalizma v Rossii XIX [Essays on radicalism in Russia XIX]*. Novosibirsk, Novosibirsk University Publ., 1991. 201 p. (In Russ.).
15. Kudryavtsev A.P. O merakh po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Rossiyskoy Federatsii [On measures to preserve the historical and cultural heritage of the peoples of the Russian Federation]. *Analit. vestn. [Analytical Bulletin]*. Moscow, 2009, no. 5 (372). (In Russ.). Available at: http://www.council.gjv.ru/activity/analical_dulletens/25834.
16. Lenin V.I. Zadachi Soyuzov molodezhi [Tasks of Youth Unions]. *Polnoe sobranie sochineniy [Complete Workshop of Conferences]*, vol. 41. (In Russ.).
17. Mayakovskiy V.V. *Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]*. Moscow, 1961, vol. 13. 628 p. (In Russ.).
18. Melnik A. Svidetel'stvo, sokhranennoe ryazanskim arkhivom [The certificate kept by the Ryazan archive]. *Otechestvo: Kraevedcheskiy al'manakh [Fatherland: Local history almanac]*. Moscow, 1990, iss. 1. 244 p. (In Russ.).
19. Nikolaev A.L. Podgotovka spetsialistov po russkoy starine v Sankt-Peterburgskom i Moskovskom arkheologicheskoy institutakh [Training of Specialists in Russian Antiquity at the St. Petersburg and Moscow Archaeological Institutions]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]*, 2009, no. 1/8, pp. 186-192. (In Russ.).
20. Novikov N.I. *Detskoe chtenie dlya serdtsa i razuma [Children's reading for the heart and mind]*, 1789, no. 17, pp. 32-48. (In Russ.).
21. Ob okhrane i ispol'zovanii pamyatnikov istorii i kul'tury [On the protection and use of historical and cultural monuments]. *Zakon RSFSR ot 15 dekabrya 1978 goda [Law of the RSFSR of December 15, 1978]*. Moscow, 1979. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4663/.
22. Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o kul'ture: zakon Rossiyskoy Federatsii ot 09 okt. 1992 goda № 3612 [Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture: the law of the Russian Federation of 09 October. 1992 No. 3612]. *Rossiyskaya kul'tura v zakonodatel'nykh i normativnykh aktakh. Muzeynoe delo i okhrana pamyatnikov (1991-1996) [Russian culture in legislative and regulatory acts. Museum and the protection of monuments (1991-1996)]*, 1998. (In Russ.).
23. Pekarskiy P.P. Izvestiya vremen tsarya Alekseya Mikhaylovicha o zolotykh i serebryanykh veshchakh i posude, popadayushchikh v tatarskikh mogilakh v Sibiri [Izvestiya of the times of Tsar Alexei Mikhailovich about gold and silver things and dishes found in Tatar graves in Siberia]. *Izvestiya Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva [News of the Imetorsky Archaeological Society]*. St. Petersburg, 1865, vol. 5. (In Russ.).
24. Popov (Sibiryak) N. Nash otvet akademiku Shchusevu [Our Answer to Academician Shchusev]. *Kommunal'noe khozyaystvo [Utilities]*. Moscow, 1925, no. 3 (23), pp. 46-47. (In Russ.).
25. Pushkin A.S. *Sobranie sochineniy: v 10 tomakh. Vol. 10. Pis'ma 1831-1837 [Collected Works. In 10 volumes. Vol. 10. Letters]*. Moscow, GIKHL Publ., 1959-1962. (In Russ.).
26. Rech' Khrushcheva N.S. [Speech Khrushchev N.S.]. *Plenum Tsentral'nogo komiteta Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz (10-18 yanvarya 1961 goda). Stenograficheskiy otchet [Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (January 10-18, 1961). Stenographic report]*. Moscow, 1961. (In Russ.).
27. Rozhnov K.A. Oni byli pervymi [They were the first]. *Pamyatniki Otechestva [Monuments of the Fatherland]*, 1988, no. 2. (In Russ.).
28. Smolin V. Kratkiy ocherk istorii zakonodatel'nykh mer po okhrane pamyatnikov v Rossii [Brief essay on the history of legislative measures for the protection of monuments in Russia]. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii [News of the Archaeological Commission]*. Petrograd, 1917, iss. 63, pp. 121-150. (In Russ.).

29. Stepanov I. Nado li sokhranyat' vse staroe [Is it necessary to keep everything old]. *Izvestiya VTSIK [News of the All-Russian Central Executive Committee]*, 1925, no. 158. (In Russ.).
30. Formozov A.A. *Stranitsy istorii russkoy arkhologii [Pages of the history of Russian archeology]*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 238 p. (In Russ.).
31. Formozov. A.A. *Russkoe obshchestvo i okhrana pamyatnikov kul'tury*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. 112 p. (In Russ.).
32. Frolov A.I. Sovetskie muzei v zerkale pressy (po materialam periodicheskoy pechati 1988 goda [Soviet museums in the mirror of the press (based on periodicals of 1988)]. *Muzeevedenie: na puti k muzeyu XIX veka. Trudy NII kul'tury [Museology: on the way to the museum of the XIX century. Proceedings of the Research Institute of Culture]*. Moscow, 1989. (In Russ.).
33. Chaadaev P.Ya. Filosoficheskie pis'ma [Philosophical Letters]. *Rossiya glazami russkogo: Chaadaev, Leontyev, Solovyev [Russia through the Eyes of Russian: Chaadaev, Leontyev, Soloviev]*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 363 p. (In Russ.).
34. Chistotina S. *Fedor Ivanovich Shmit [Fedor Ivanovich Shmit]*, 1994, iss. 1. 206 p. (In Russ.).
35. YUNESKO: *Rossiyskoe zakonodatel'stvo ne v polnoy mere pozvolyayet reshat' problemy okhrany pamyatnikov [UNESCO: Russian legislation does not fully solve the problems of the protection of monuments]*. (In Russ.). Available at: <http://www.fontanka.ru/2011/05/30/132/>.

УДК 791.43

КИНОХРОНИКА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КУЗБАССА

Светлаков Юрий Яковлевич, профессор кафедры фотовидеотворчества, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: svetlakov38@mail.ru

Светлакова Елена Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой фотовидеотворчества, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: luna-65@list.ru

Одной из самых ярких страниц мировой киноистории является советская кинохроника, которая в определённое время являлась синонимом киноправды в СССР. Статья посвящена вопросам документального киноискусства в культурно-историческом осмыслении и фокусируется на кинохронике Кузбасса советского довоенного времени в зеркале экранной документалистики Сибири. Основная задача и теоретическая значимость работы состоит в сборе, систематизации уникального материала и выявлении доминирующих тенденций основных периодов съёмок документально-хроникального кино Сибири.

Несмотря на актуальность темы феномена хроникально-документального фильма, состояние изученности истории кинохроники Кузбасса весьма скромно, научных работ, посвященных определению места кинолетописи в культурном пространстве страны, тоже крайне мало. Кинохроника России в целом также огромный, но пока не достаточно изученный и систематизированный культурный пласт киноматериалов различных периодов развития страны. На основе обзора имеющейся литературы, авторы приходят к выводу о маргинальности этого направления в современных культурно-исторических исследованиях.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ряда положений для дальнейшего исследования поставленной проблемы девальвации кинохроники в России и в осмыслении советского опыта культурного строительства в сохранении культуры страны.

Ключевые слова: кинохроника, документальное кино, кинооператор, архив, культура Кузбасса, кинематограф, киноправда, советский кинематограф, кинолетопись.